

только с генитивом, не допуская выбора падежа объекта. Отмечаются и другие расхождения между финским падежом и русским видом.

Четвертая глава включает две статьи, в которых анализируются функции вида в художественном тексте. В статье А. ван Холка "Вид в глубинной структуре текста" (с. 367–382) предлагается описание структуры поэмы А.С. Пушкина "Медный всадник" путем представления линии повествования в виде сложным образом взаимосвязанных "элементарных конструкций", имеющих семантико-синтаксический характер.

П. Енсен в статье "Повествовательное описание или описательное повествование: проблемы аспектуальности у Чехова" (с. 383–409) рассматривает функции видов в нескольких рассказах Чехова, написанных в разное время. Автор связывает употребление совершенного вида с объективным "историческим" уровнем разграничения и соотношения событий, тогда как несовершенный вид отражает субъективное представление о жизни как о непосредственно воспринимаемой длительности (с. 401), что напоминает взгляды на общую функцию видов, высказанные Б.М. Гаспаровым в этом же сборнике. Изменения в принципах использования вида у Чехова связываются с изменениями в его мировоззрении.

Рецензируемый сборник демонстрирует многообразие подходов к сущности видовой противопоставления и возможность различного понимания их функций в тексте. Вместе с тем, прочитав этот сборник, можно сделать вывод – без учета текстовых функций дальнейшее изучение вида невозможно.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Маслов Ю.С. К основаниям сопоставительной аспектологии // Вопросы сопоставительной аспектологии. Л., 1978.

2. Тимберлейк А. Инвариантность и синтаксические свойства вида в русском языке // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XV. М., 1985.
3. Телин Н.Б. Вид и способ действия в русском языке // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XV. М., 1985.
4. Телин Н.Б. О системном статусе перфектного значения в русском языке // Язык: система и функционирование. М., 1988.
5. Булыгина Т.Б. К построению типологии предикатов в русском языке // Семантические типы предикатов. М., 1980.
6. Козинцева Н.А. Временная локализованность действия и ее связи с аспектуальными, модальными и таксисными значениями. Л., 1991.
7. Бондарко А.В. Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии. Л., 1983.
8. Townsend Ch.E. Can aspect stand prosperity? / Ed. by Flier W. Timberlake A. The scope of Slavic aspect. Columbus, Ohio, 1985.
9. Падучева Е.В. Опыт исчисления частных видовых значений (К семантике несовершенного вида в русском языке) // Типология и грамматика. М., 1990.
10. Бондарко А.В. О значениях видов русского глагола // ВЯ. 1990. № 4.
11. Маслов Ю.С. Очерки по аспектологии. Л., 1984.
12. Thelin N.B. Towards a theory of aspect, tense and actionality in Slavic. Uppsala, 1978.
13. Николаева Т.М. Коммуникативно-дискурсивный подход и интерпретация языковой эволюции // ВЯ. 1984. № 3.
14. Бородич В.В. К вопросу о формировании совершенного и несовершенного вида в славянских языках // ВЯ. 1953. № 6.
15. Бенвенист Э. Общая лингвистика. М., 1974. С. 270–284.
16. Гаспаров Б.М. О некоторых особенностях функционирования видовых форм в повествовательном тексте // Вопросы русской аспектологии. Вып. 4. Тарту, 1979. С. 119–120.
17. Падучева Е.В. Результативные значения несовершенного вида в русском языке: общефактическое и акциональное // ВЯ. 1993. № 1.
18. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1956. С. 234–235.

Князев Ю.П.

Климов Г.А. Основы лингвистической компаративистики. М.: Наука, 1990. 108 с.

Общие принципы, методы и приемы сравнительно-исторических исследований (компаративистики) разрабатывались за протяжении почти двухсот лет в первую очередь на материале индоевропейских языков (в меньшей мере – на материале финно-угорских, еще в меньшей – семито-хамитских). Уже в первой половине прошлого века опыт индоевропейцев пытались с большим

или меньшим успехом использовать исследователи других языковых семей (тюркской, монгольской, тунгусо-маньчжурской, сино-тибетской, малайско-полинезийской, дравидской, банту и др.). Сложно и противоречиво было становление кавказской компаративистики. С самого появления компаративистики она противопоставлялась сопоставительной-типологическому языковедению, и только

при условии их четкого различия в процессе конкретных исследований компаративная и типологическая лингвистика могли успешно взаимодействовать. Интенсивность этих взаимодействий в индоевропеистике стала явно растать во второй половине уходящего столетия. Немалый вклад в развитие компаративистики и типологии кавказских (в первую очередь – южнокавказских, картвельских) языков, а также типологии американо-индейских языков внес Г.А. Климов. На примере его конкретных исследований и теоретических обобщений можно видеть, чего может достигнуть строгое применение фундаментальных положений, выработанных в классической компаративистике, к индоевропейским языкам. В нашей стране Г.А. Климов является, несомненно, наиболее известным и авторитетным специалистом в этой области, поэтому особое внимание индоевропеистов привлекает направление некоторых его работ последних лет: исследователь кавказских и американо-индейских языков как бы оборачивается назад и оценивает методологию индоевропеистики на основании собственных обобщений сравнительно-исторического изучения неиндоевропейских языков. Этому была посвящена небольшая книга Г.А. Климова, вышедшая в 1971 г. [1]. Работа вызвала большой интерес компаративистов-теоретиков (хотя в отдельных случаях содержащиеся в ней ссылки на данные индоевропеистики были отчасти устарелыми и требовали переработки). С тех пор прошло 23 года, в отечественной лингвистике появились другие обобщающие работы, освещающие проблемы сравнительно-исторического метода с несколько иных теоретических позиций [2–5], вышел ряд обобщающих трудов в других странах [6–12]. Большинство этих работ учтено в новой монографии Г.А. Климова.

Книга состоит из Введения, шести глав и Заключения. Первая глава (с. 6–19) посвящена наиболее общим вопросам всего комплекса компаративистических исследований. Особо выделяются пять методологических проблем: а) генетическое отождествление фактов; б) обоснование языкового родства; в) конкретные приемы реконструкции архетипов (праформ); г) хронологизация и локализация реконструированных явлений; д) генетическая группировка языков, охватывающая "звенья единой логической цепи разработки сравнительно-исторической грамматики языковой семьи" (с. 6). Эти проблемы и связанные с ними специальные вопросы компаративистики подробно рассматриваются (с привлечением иллюстративного материала, с

одной стороны, картвельских и некоторых северокавказских (абхазо-адыгских и нахско-дагестанских), а с другой стороны – индоевропейских и в определенной мере некоторых американо-индейских языков) в третьей, четвертой и пятой главах; в шестой главе обсуждаются возможности экстралингвистической интерпретации данных компаративистики.

При изучении и оценке приводимых в книге языковых примеров, их интерпретации, рассуждений и обобщений автора целесообразно соотнести их с разными стадиями (степенями глубины, с. 34) лингвистической реконструкции. На первой, наиболее близкой стадии реконструируются, например, общероманские, общеславянские, общеиранские языковые факты. Они могут быть проверены данными древних письменных памятников, очень близкими с реконструированными фактами. Так, общероманские реконструкции корректируются данными классической латыни (несколько отличавшейся от полидиалектного просторечия и городского разговорного койне), общеславянские – данными древнецерковнославянского языка (возникшего как общелитературный язык всех славян-христиан, говоривших тогда на еще не окончательно разошедшихся диалектах), общеиранские – данными древнеперсидских надписей и Авесты и т.д. (с. 18). Проблема генетического отождествления языковых фактов, подлежащих сравнению, на этой стадии обычно не представляет затруднений (хотя все же возможны и такие курьезы, как ошибочное сопоставление русск. *начальник* с однозначным ему польск. *naczelnik*, на самом деле восходящих к разным корням, или затруднения при сопоставлении флексий твор. пад. ед. ч. первого склонения русск. *женою*, словц. *ženov*, польск. *ženą*). Как отмечает автор, "... в генетически сопоставимом материале родственных языков имеют место не только фонологические, но и морфологические и лексические соответствия". Однако поскольку постулировать эти последние возможно лишь на основе выявленных фонологических корреспонденций, "... решающей ступенью в процедуре доказательства факта языкового родства оказывается констатация фонологических соответствий" (с. 25). Фонологические соответствия (корреспонденции) у близкородственных языков отличаются обычно простотой (незначительными фонетическими расхождениями), а поэтому просты и конкретны приемы реконструкции архетипов, но возможны и исключения (ср. значительные фонетические отличия французского языка,

ретороманских диалектов и, особенно, далматинско-вельотского языка от других романских языков). Но хронологизация и локализация реконструированных явлений даже на этой стадии (несмотря на наличие прямых письменных свидетельств) связана со значительными затруднениями (ср. такие спорные вопросы, как место общеславянской прародины, время первой, второй и третьей славянской палатализации, время и направление романизации Иберии, Дакии). Проблемы генетической группировки даже таких языков, как славянские или романские, не решаются однозначно: среди славистов нет единого мнения о генетических связях словенского, словацкого языков (западно- или южнославянские?), о первоначальном диалектном членении общероманской (народнолатинской) языковой общности [13–15]. На первой стадии реконструкции выявляются как дивергентные, так и конвергентные процессы. "В этой связи, может быть, заслуживает упоминания лишь некогда высказанное Н.С. Трубецким предположение, согласно которому так называемое цепевидное членение языковой группировки (т.е. членение с наличием постепенных переходов от одного языка к другому) развивается при преобладании процессов дивергенции, а так называемое кирпичевидное (т.е. членение без таких постепенных переходов) – при преобладании в группировке процессов конвергенции" (с. 40).

На второй, более глубокой стадии реконструкции, восстанавливаются факты праязыков, совершенно не имевших письменных свидетельств, но уточняемые и проверяемые еще более широким сравнением. Это так называемые "промежуточные общие языки" (А. Мейе). Например, общегерманские данные добываются из сравнения готского, древневерхненемецкого, древнефранкского, древнесаксонского, древнеанглийского и древнеисландского языков, но могут быть подправлены и дополнены сравнением "с другой стороны" – данными общиндоевропейской компаративистики: такого же характера реконструкции общекельтские, общепитийские, общепалтийские, общеперийские (индоиранские). Предварительное генетическое отождествление фактов на этой стадии представляет ряд затруднений и требует строгого выявления и учета закономерностей в звуковых корреспонденциях. При хронологизации праязыковых явлений на первое место выходит не абсолютная, а относительная хронология. Большие затруднения на этой стадии вызывает само обоснование языкового родства. "Так, ныне не только по существу оставлен тезис о су-

ществовании некогда особого итало-кельтского единства, но и высказаны самые серьезные сомнения в возможности постуляции даже единого протоиталийского языкоосновы" (с. 75). В этих случаях, однако, отказываясь от концепции праязыкового единства, мы можем говорить о полидиалектной общности, континууме праязыковых диалектов, представляющих, по выражению Н.С. Трубецкого, "радужную сеть": так возможно представлять иллиро-итало-кельтскую, албано-балто-славянскую, палеобалканскую общности [16–21]. При сравнительно-исторических исследованиях на незавидельствованной письменными памятниками стадии справедливыми оказываются приведенные в книге слова Э.А. Макаева, что одной из "наиболее характерных черт реконструкции является множественность, а не единственность решений" [3]. Г.А. Климов считает, что "в одних случаях языковая данность будет располагать к построению единых ("унифицированных") архетипов, а в других – к построению нескольких параллельных" (с. 43).

На третьей стадии реконструкции исследователь имеет дело с наиболее отдаленным праязыком "эпохи его распадаения" (Ф.Ф. Фортунатов): общиндоевропейским, общеперийноугорским, общепалтийским и т.д. Достоверность реконструкций здесь зависит от широты охвата материала родственных языков, полноты его привлечения. Представления об общиндоевропейском праязыке зависят от того, привлекаются ли для реконструкции только данные санскрита, греческого, латинского, готского и старославянского или же привлекается также материал кельтских, албанского, балтийских, армянского, хеттского. "Здесь уместно заметить, что у компаративиста, как правило, отсутствует уверенность в том, что он располагает исчерпывающим набором языков, восходящих к праязыку, что лишний раз подчеркивает модельный характер праязыкового построения" (с. 45). «Процедуру генетического доказательства невозможно свести и к сопоставительному анализу материала сравниваемых языков по признаку внешнего субстанционального сходства. Фонетически сходные англ. *bad* и новоперс. *bad* "плохой", как становится ясным из их истории, не имеют ничего общего (и, напротив, фонетически несходные англ. *wheel* и новоперс. *čarx* "колесо" оказываются генетически тождественными)" (с. 21). Родственным можно считать лишь языки, у которых выявляются регулярные фонологические соответствия (с. 25). Хронологизация и

локализация реконструированных явлений связана с решением проблемы времени и места распространения праязыка (ср. современные решения, концепции и гипотезы хронологизации и локализации общиндоевропейской прародины: в III–IV или в V–VI тыс. до н.э., на Польско-Нижнегерманской низменности, на Среднедунайской низменности, в Северном Причерноморье, на Балканах или в Малой Азии и др.) (с. 77, 135–138). В течение всей истории компаративной индоевропеистики всегда продуктивны были дискуссии о генетической группировке индоевропейской языковой семьи, но все попытки реконструкции диалектного членения общиндоевропейского праязыка тем не менее всегда носили в высшей степени умозрительный характер. Г.А. Климов соглашается с учеными, считающими, что у нас нет никаких оснований предполагать наличие когда-либо монолитного праязыкового единства: индоевропейская общность всегда была полидиалектна (с. 123–124, 132–134) (об условности применения для "первобытной лингвистической непрерывности" терминов "язык" и "диалект" см. в рецензируемой книге Г.А. Климова, с. 73). Вряд ли, однако, все индоевропеисты полностью согласятся с утверждением, что «в истории компаративистики уже неоднократно демонстрировалась неэффективность опытов установления внутреннего членения языковой макросемьи или ее фрагмента на основе отдельных фонетических критериев. Одним из наиболее популярных из них явился опыт разделения индоевропейских языков на большие группы – "западную" типа *kentum* (в составе италийских, кельтских, германских и албанского [?! – Ш.О.] и "восточную" типа *satəm* (в составе балтийских, славянских, индоиранских и армянского), решительно подорванный показаниями позднее открытых тохарского и анатолийских языков, и, в частности, тем обстоятельством, что среди последних хеттский должен был быть отнесен к группе *kentum*, а ближайше родственный ему лувийский – к группе *satəm*» (с. 125)¹. На самом деле, явления, похожие на *satəm* (в позиции перед *и), есть как в лувийском, так и в хеттском языке, у "тохарских" (агнеокучанских) языков, как оказывается, нет ни типичных признаков *satəm* (палатализация превелярных), ни типичных признаков *kentum*

(лабиализация поствелярных), сама же изоглосса *kentum/satəm* входит в целый пучок изоглосс (в том числе морфологических и лексических), и мы можем теперь говорить о языках, *satəm* как "центральных" (имеющих относительное единство), а о языках *kentum* как "периферийных" (не представляющих особую общность)². Касаясь отображения характера членения праиндоевропейской общности, Г.А. Климов соглашается с концепциями равноценности шлейхеровской модели древа и шмидтовской модели волн (с. 60–61).

Следующей стадией является уже не компаративная, а так называемая внутренняя (контекстуальная) реконструкция (диахроническая интерпретация), опирающаяся не на внешние (межязыковые) сравнения, а в первую очередь на структурную типологию (с. 46–51, 57, 97). Из этого исходит так называемая глоттальная теория Т.В. Гамкрелидзе – Вяч. Вс. Иванова, возводящая индоевропейский консонантизм (отраженный лишь в части индоевропейских языков и носивший, несомненно, локально-диалектный характер) типа *t-dh-d* к более раннему и общему протоиндоевропейскому *t(h)-d(h)-t* (с. 97). При глубинных реконструкциях особенно характерна множественность параллельных решений: структурный анализ количественных чередований в санскрите и греческом (с' широким привлечением других индоевропейских языков) приводит либо к ларингальной теории Соссюра – Куриловича, либо к теории длительной и прерывистой долготы гласных и напряженности/ненапряженности консонантной финали Ф.Ф. Фортунатова [22].

Последняя (самая дальняя и проблематичная) стадия – сравнение больших семей, построение гипотез о макросемьях ("иберийско-кавказская", "ностратическая", "алтайская"). Г.А. Климов всегда проявлял здоровый скепсис к подобным смелым построениям и, не отрицая объективную ценность отдельных сопоставлений (отраженных, в частности, в известном словаре В.М. Иллич-Свитыча), не считает эти гипотезы в целом обоснованными и законченными концепциями (особое внимание в книге уделяется "иберийско-кавказским" построениям – с. 4, 17, 146–149 и др.).

Как уже говорилось, индоевропеистика представляет лишь часть разнообразного языкового материала, использованного в книге Г.А. Климова. Не меньшее место

¹ Это сомнительное высказывание, в частности, ошибочное отнесение хеттского к языкам *kentum*, а лувийского к *satəm*, содержалось еще в книге Г.А. Климова 1971 г. [1, с. 82].

² См. библиографию по этому вопросу в [20].

занимают данные картвельских языков. Много в книге примеров из нахско-дагестанских и абхазо-адыгских языков, есть также иллюстрации из языков американских индейцев. Книга обобщает обширную лингвистическую литературу (отечественную и иностранную, новейшую и прошлого века – всего около 350 названий) и является, несомненно, значительным вкладом в теоретическое языкознание³.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Климов Г.А. Вопросы методики сравнительно-генетических исследований. М., 1971.
2. Серебренников Б.А. Вероятностные обоснования в компаративистике. М., 1974.
3. Макаев Э.А. Общая теория сравнительного языкознания. М., 1977.
4. Широков О.С. Современные проблемы сравнительно-исторического языкознания. М., 1981.
5. Гамкрелидзе Т.В., Иванов Вяч.В. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры. Ч. I–II. Тбилиси, 1984.
6. Theorie, Methode und Didaktik der historisch-vergleichende Sprachwissenschaft / Hrsg. von Untermann J. Wiesbaden, 1973.
7. Martinet A. Évolution des langues et reconstruction. P., 1975.
8. Jucquois G. La reconstruction linguistique. Application à l'indoeuropéen. Louvain, 1976.
9. Birnbaum H. Linguistic reconstruction, its problems, its potential and limitations in a new perspective. Washington, 1977.

10. Problemi della ricostruzione in linguistica / A cura di Simone R., Vignuzzi U. Roma, 1977.
11. Vynon T. Historical linguistics. Cambridge, 1977.
12. Historische Linguistik: Eine Einführung. Köln, 1981.
13. Широкова А.В. Территориальная дифференциация языка. Дифференциация народной латыни на территории Италии. М., 1979.
14. Широкова А.В. Сравнительно-историческая фонетика романских языков (ареалы Галлии и Балкан). М., 1981.
15. Широкова А.В. Сравнительно-историческая фонетика романских языков Пиренейского полуострова. М., 1982.
16. Откупщиков Ю.В. Карийские надписи Африки. Л., 1966.
17. Откупщиков Ю.В. Догреческий субстрат. У истоков европейской цивилизации. Л., 1988. С. 207–217.
18. Широков О.С. Албано-балто-славянские глоттогенетические связи // Сборник за филологию и лингвистику. Нови Сад, 1981.
19. Широков О.С. Балто-албано-славянские глоттогенетические связи // Baltistica. 1984.
20. Широков О.С. Реконструкция праязыковых изоглосс общиндоевропейского диалектного континуума // Сравнительно-историческое изучение языков разных семей. Теория лингвистической реконструкции. М., 1988. С. 54–56, 64.
21. Широков О.С. Введение в балканскую филологию. М., 1980. С. 7–8, 59–60, 65–66.
22. Фортунатов Ф.Ф. Избр. тр. М., 1956. С. 226, 371–372.
23. Reconstructing language and culture. B.; N.Y., 1992.

Широков О.С.

Чекмонас В. Введение в славянскую филологию. Вильнюс: Мокслас, 1988. 296 с.

Супрун А.Е. Введение в славянскую филологию. Минск: Вышэйшая школа, 1989. 480 с.

Чедиа В.В. Введение в славянскую филологию. Тбилиси: Изд-во Тбилис. ун-та, 1990. 604 с.

Курс "Введение в славянскую филологию" утвердился в университетских программах сравнительно недавно [1], хотя значение этой пропедевтической дисциплины для подготовки первокурсников трудно переоценить: она не только вводит вчерашних школьников в проблематику последующих курсов, в первую очередь старославянского языка и сравнительной грамматики славянских языков, но и дает сведения по вопросам, которые в даль-

нейшем практически не находят освещения в вузовской программе, – в частности, по проблемам истории, этнографии и мифологии. В свете сказанного остается только удивляться тому обстоятельству, что филологи нашей страны – как в прежних, так и в нынешних ее границах – не располагают стабильным учебником, подобным, например, "Старославянскому языку" Г.А. Хабургаева [2] или "Современному русскому языку" под ред. В.А. Белошапковой [3]. Естественно было бы ожидать, что за решение этой задачи возьмутся специалисты ведущего славистического учреждения – Института славяноведения и балканистики Академии наук, а также преподаватели крупнейших университетов. Однако, к сожалению, ленинградские слависты ограничились лишь всесторонним рассмотрением темы "Классики марк-

³После выхода в свет работы Г.А. Климова был издан сборник [23]. Опубликованные в нем многочисленные материалы по теории сравнительно-исторического языкознания, конкретным вопросам индоевропейской компаративистики и типологии, связи языковой и исторической реконструкций лишней раз подтверждают актуальность книги Г.А. Климова.